

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-128-140

EDN: HDIWDА

Научная статья / Research article

Детская проза М. Шкетана: специфика авторской аксиологии и этнопоэтика

Л.В. Калашникова

Колледж государственной и муниципальной службы, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ ms.lara.kala@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению аксиосферы и этнопоэтики детской прозы марийского писателя М. Шкетана. Особое внимание уделено изучению ценностей, обусловленных культурным контекстом, описанию в категориях поэтики того, что определяет прозу данного писателя как «марийская». Актуальность исследования продиктована необходимостью изучения ценностной природы марийской литературы и художественных форм воплощения этнического менталитета. Цель исследования — в детской прозе М. Шкетана выявить ценности универсальные и этнические, показать сочетание универсальной поэтики с этнопоэтикой, исследовать фольклорно-этнографический интертекст, способствующий раскрытию «национального образа мира».

Ключевые слова: марийская литература, детская проза, поэтика, этнопоэтика, аксиология, фольклорно-этнографический интертекст, национальный образ мира

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Калашникова Л.В. Детская проза М. Шкетана: специфика авторской аксиологии и этнопоэтика // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 128–140. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-128-140>

M. Shketan's Prose for Children: The Specifics of the Author's Axiology and Ethnopoetics

Larisa V. Kalashnikova

College of State and Municipal Service, Yoshkar-Ola, Russian Federation

✉ ms.lara.kala@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the axiosphere and ethnopoetics of children's prose by the Mari writer M. Shketan. Special attention is paid to the study of values conditioned by the cultural context, the description in terms of poetics of what defines the prose of this writer as "Mari". The relevance of the research is due to the need to study the value nature of Mari literature and

© Калашникова Л.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

artistic forms of the embodiment of ethnic mentality. The aim of this study is to identify universal and ethnic values, to show the combination of universal poetics with ethnopoetics, to explore the folklore and ethnographic intertext contributing to the disclosure of the “national image of the world” in the children’s prose of M. Shketan.

Key words: Mari literature, children’s prose, poetics, ethnopoetics, axiology, folklore and ethnographic intertext, national image of the world

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kalashnikova, L.V. 2025. “M. Shketan’s Prose for Children: The Specifics of the Author’s Axiology and Ethnopoetics.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 128–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-128-140>

Введение

Детская проза М. Шкетана во всех её художественных аспектах (в том числе в аспекте её аксиосферы и поэтики) является одной из наименее исследованных областей марийской литературы, между тем её изучение важно как для определения художественной специфики национальной литературы для детей, так и для создания целостной картины становления и развития марийской литературы в период «формирования основных жанров, разновидностей пафоса, форм повествования, языка художественной литературы, развития реализма» (по периодизации Р.А. Кудрявцевой, 1917 — середина 1930-х гг.) [1. С. 100]. Кроме того, марийская детская литература, как и марийская литература в целом, безусловно, «находится в этноаксиологическом поле культуры, она запечатлевает этнические особенности народа. В этом смысле литература, как и фольклор, может стать источником изучения актуальной проблемы этнической идентичности» [2. С. 64–65], которую важно изучать и на материале детской литературы, имеющей высокий воспитательный потенциал. Однако до настоящего времени мы имеем только одну научную работу, выполненную в рамках поставленной проблемы, но и она посвящена изучению марийской детской литературы в целом, — это кандидатская диссертация Л.Н. Буркова [3]; но в ней не затронуты интересующие нас вопросы по детской прозе Шкетана. В научной литературе получили освещение широко известные юмористические рассказы Шкетана 1930-х гг. [4; 5 и др.], которые мы в данной статье также относим к детской прозе писателя, однако в контексте детской литературы с выделением аксиологической проблематики и этнопоэтических особенностей они нами рассматриваются впервые.

Цель исследования — анализ детских рассказов Шкетана с точки зрения проявления в них общечеловеческих и этнических ценностей и способов их выражения на уровне универсальной поэтики и этнопоэтики. Этнопоэтический путь изучения литературы «связан с выявлением фольклорных мотивов и образов, с религиозно-философским аспектом анализа, подразумевающего опору на основные национальные ценности, символы, архетипы, культурные

коды» [6. С. 4], в связи с чем нами предпринят анализ фольклорно-этнографического интертекста детской прозы М. Шкетана, способствующего раскрытию «национального образа мира» [7]. При этом мы опирались на работы известных исследователей этнопоэтики русской литературы [8; 9]. Произведения, рассчитанные на детский возраст, разительно отличаются от творений для взрослых; они ориентированы на специфически-детское восприятие окружающей действительности, написаны с учётом того, что у детей более развита эмоциональная сфера, чем логическое мышление. Это обстоятельство требует, кроме привычного, структурно-семантического анализа художественного текста, использования психопоэтических исследовательских подходов к литературе, разработанных Е. Г. Эткингом [10].

Результаты и обсуждение

Творчество одного из основоположников и классиков марийской литературы М. Шкетана (1898–1937) приходится на 1920–1930-е гг.; активное участие писателя в общественно-политической жизни Марийского края на первом этапе развития советского государства не могло не наложить отпечатка на его произведения. Большинство прозаических произведений Шкетана, в том числе в жанре рассказа, будь то ориентированные на взрослого читателя или на детскую аудиторию, идеологизировано; многие проблемы, поднимаемые автором, и трудности жизненных судеб персонажей получают социологическую трактовку, объясняются, в первую очередь, социально-классовым неравенством, нищетой, господством местных богачей и их насилием по отношению к бедной части общества, конфликтом старого и нового укладов жизни.

Несмотря на идеологическую ангажированность, писатель создавал произведения, которые сохраняют свою актуальность и в настоящее время. В их числе — рассказы с ценностно значимой — нравственно-этической — проблематикой, значительное место среди которых занимают рассказы для детей и подростков. Так, в детских рассказах «Яку» (1928), «У Мичу нет даже отца» («Мичун уке ачажат», 1928) на первый план выдвигаются семейные ценности: уважительное отношение друг к другу, взаимоподдержка, любовь к детям и т. д. Ни одному из персонажей этих рассказов не повезло быть любимыми в семье: кому-то из-за дурного отношения отца, а кому-то из-за раннего ухода из жизни родителей.

Рассказ «Яку» начинается и заканчивается описанием жаркого летнего праздничного дня — автор обращается к кольцевой композиции, заостряя внимание на детских радостях (дружно шумят, играют у качелей дети, учатся маршировать пионеры). Завершающую картину отличает от начальной то, что на бревне у дома на краю оврага не оказалось мальчика Яку, завидовавшего другим детям, имеющим возможность скакать, играть, смеяться... Он очень хотел учиться в школе, стать пионером и вести себя так, как другие дети, но

из-за отца-самодура Микал Вома, вышедшего из семьи священника, ему всё это было запрещено, поэтому ему оставалось только наблюдать за другими. Если Яку в отсутствие отца (Вома часто ездил на лесные работы) тайком ходил в школу, то, узнав об этом, отец жестоко избивал сына; доставалось и матери, пытающейся каждый раз защитить своего сына. После одного из таких побоев мальчик сильно заболевает, пытается пересилить боль, глубоко внутри скрывает свои переживания. Во время поездки с отцом на лесные работы ему становится безнадежно плохо, упрямый отец не везёт его в больницу, но, когда всё-таки привез его туда, было уже поздно, Яку уже невозможно было помочь.

Микал Вома — антигерой, «носитель» антиценности, связанной с пониманием семейной жизни. Но жизненные обстоятельства (болезнь и смерть сына) несколько меняют упрямого и жестокого отца — таким образом, Шкетан настраивает своего читателя-ребёнка на оптимистическую волну, на понимание небезнадежности человека в духовно-нравственном плане. Уже во время болезни сына в душу отца время от времени проникало чувство вины:

Коклан-коклан гына титак ыштыше егла кокыралтат, ик шомакымат ок пелеште¹ (Время от времени покашливает, как виноватый человек, но ничего не говорит); *Ватыж деч йышт, жапын-жапын шынгалыкым почын, эргыжым тўткын онча. Тунам тудын кече дене шемемше шем пондашан чурийже вес семын, ойганыше енгыла койын, корешталтеш* [С. 139] (Тайком от жены время от времени, открывая полог, внимательно смотрел на сына. Тогда его почерневшее от солнца лицо с черной бородой покрывалось морщинами, как у горящего человека).

Пытался сдержать свой гнев, когда Яку в очередной раз пошёл в школу:

Вома Якун школыш коштмыжым пален гынат, нимом ыш пелеште [С. 142] (Хотя Вома знал о посещении Яку школы, ничего не сказал). И наконец, автор обращает внимание на то, как по-настоящему глубоко и искренне Микал Вома переживает смерть сына: *...шкеже, őrткышō гай, олымбак шинчын, никтежалтше йўк дене шортын колтыш* [С. 145] (...сам, будто пришедший в сильное потрясение, сев на скамью, заплакал сдавленным голосом).

Шкетан понимает, что для детской души (воспринимающего ребёнка) очень важно видеть поведенческую или эмоциональную динамику персонажа. И очень важно для достижения воспитательного эффекта детского чтения дать позитивную динамику хотя бы одного из персонажей. В рассказе «Яку» показано, таким образом, эмоциональное движение отца в сторону нормального

¹ Шкетан М. Роман, пьеса, ойлымаш, очерк да статья-влак. Ныл том дене печатлалтын. Том 2. Йошкар-Ола : Книгам лукшо мар. изд-во, 1962. С. 137. Здесь и далее цитируется данное издание, страницы цитат указываются в тексте в квадратных скобках, перевод цитат с марийского наш. — Л.К.

отношения к своему ребёнку, к человеческому сопереживанию. В этом смысле (очевидно, в соответствии с законами детской литературы) не Яку, а его отец — главный персонаж рассказа, несмотря на то что он не отмечен в сильной позиции текста (в заглавии), где чаще всего обозначаются ключевые персонажи произведения.

«Заглавный» же персонаж — Яку — дан в произведении с драматической линией судьбы, что мастерски представлено Шкетаном в психологической динамике. Яку, отказываясь идти гулять с детьми, испытывает грусть, злость:

...шинчаже вұдыжга, ушыж дене эртак ачажым вурса, ачажым карга. <...> шұмжө чотрак пырткаш тўнгалеш [С. 131] (...его глаза увлажняются, умом все отца ругает, отца проклинаят. <...> сердце еще сильнее начинает стучать).

Встретившись с отцом, узнавшим о посещении им школы, он испытывает страх:

Яку тулиол ўмбалне шинчышыла йўкшен-ырен шинчыш [С. 132] (Яку словно на раскаленных углях сидел, его бросало то в холод, то в жар).

Ему стыдно из-за того, что из-за отца он не может записаться в пионеры:

Яку шкетак шинчажым йолварня вуйыш тураштенат, шып шога [С. 136] (Яку один, направив свой взгляд на носок, стоит молча).

Испытывает одновременно и страх, и стыд, когда отец случайно «поймал» его среди друзей-сверстников (автор умело сочетает приемы косвенно-психологической и прямой психологической форм повествования — портретную в роли психологической и собственно-психологическую детали):

Яку колышо гай какарген шогалын, тарванашат ок тошт. Ик семын, йолташышит-влак деч возжылын, вес семынже, ачаж деч лўдын [С. 137] (Яку был синий, как мертвый, не смел даже пошевелиться. С одной стороны, было стыдно перед друзьями, с другой стороны, отца испугался).

От постоянного давления, физического насилия, унижения со стороны отца, из-за постоянного внутреннего напряжения меняются характер и поведение Яку, он становится странным, отчужденным, его психологический портрет автор представляет таким образом:

Ачажын ўскыртланымыже Якум ала-могай вес тўрлө еным, ўнгышым ыштен. Ок мутлане, ок воштыл, шинчаж денат, пычкыде, ик тура онча,

лұдың утышо йочала коеш [С. 141] (Упрямство отца сделало Яку каким-то другим, робким. Не разговаривает, не смеется, и глазами, не моргая, смотрит в одну точку, кажется испуганным лишним ребенком).

Мастерски поданное разнообразие чувств и переживаний Яку, представляющих драматическое положение ребёнка в семье, не могло не вызвать сопереживание юного читателя.

В рассматриваемом рассказе Шкетана поднимается актуальная в детской литературе во все времена и у всех народов тема дружбы. Другом не обделен и унижаемый в семье Яку. Его друг Вечук во всём оказывает ему поддержку, помогает в учебе. В ценностном плане он представлен автором как настоящий друг.

В рассказе «Яку», наряду с универсальными приемами поэтики (в частности психологизма), которые активно осваивались марийскими писателями на этапе формирования художественной словесности, Шкетан обращается к этнопоэтике, придавая произведению национальную специфику. Традиционно «в качестве определяющего для этнопоэтики фактора рассматривается фольклоризм — ориентация писателей на поэтику и жанры устной народной словесности, а также переработка ими отдельных элементов фольклора» [11. С. 390]. В интертексте шкетановского произведения важную роль играют марийские народные приметы (*Шўлашат каньысыр — векат йўр толеш* [С. 130] — Трудно дышать — явно будет дождь) и поговорки (*Тошто ората тошто терлан гына йёра* [С. 135] — Старая поперечина только для старых саней подходит), усиливая познавательную и воспитательную функции художественного текста. Этноспецифическую составляющую своего повествования автор подчёркивает и с помощью мифологических образов и соответствующей им лексики (например, Азырен — в языческой мифологии мари бог смерти).

Взаимоотношениям в семье посвящен и рассказ Шкетана «У Мичу нет даже отца». Автор находит типичные для изображаемого времени и понятные для всех, в том числе и юных читателей, сюжетные ситуации: любимые родители ребёнка и тёплые отношения в семье, отец погибает на войне, мать умирает от болезни, осиротевший Мичу, воспитание в чужой семье (дяди Курия), издевательства над ребёнком, бесконечные обиды, дружба с двоюродной сестрой (старшей дочерью дяди) и неприязненное отношение к ней из-за этого в семье, столкновение с дядей-опекуном, побег из его дома, побирачество по деревням, встреча с воспитателем детского дома и приглашение в детдомовскую семью. Все ситуации яркие в эмоциональном плане, способные воздействовать на юного читателя, и разнообразные в композиционном плане.

Так, о счастливой жизни Мичу с родными матерью и отцом узнаем из его воспоминаний, навеянных грустью. Поскольку он был слишком мал, многого не помнил, но запомнил некоторые очень важные детали, с помощью которых

Шкетан высвечивает ценностные моменты семейной жизни. Например, Мичу вспоминает о яблоне, посаженной отцом, плодами которой он угощал своих друзей; его добрая мама не запрещала это делать. В ретроспективе повествования постоянно акцентируется внимание на добрых, человеческих взаимоотношениях матери и сына:

Кенгежым коктынак түредаш коштыч. Мичу күйөш сөмүн түрөд ок мошто гынат, аваж пелен шогылтын полышкалыш. Ояр кечылаште чодыраш снеге погаш, понго кычалаш пырляк коштыч [С. 107] (Летом вдвоем же ходили на жатву. Мичу, хотя и не умел хорошо жать, возился рядом, помогал матери. В солнечную погоду ходили вместе собирать землянику, грибы).

Эта нравственно-духовная идиллия порушилась одной страшной ночью, когда «бесилась» на улице метель, описанием которой открывается рассказ «У Мичу нет даже отца»:

Түнө мардеж лумым түргыкта, мўгыра. Йўд пычкөмөш огыл гынат, урем гоч нимат ок кой. <...> Жаплан поран чарнымыла лиешат, адак угычын пўтырем менгыла шогалеш. Пўрт түнькыштө ду-дудуу шоктыктен мўгыра. Окна яндамат лум урвалте совкала [С. 107] (Снаружи ветер клубит снег, гудит. Хотя еще не ночная тьма, через улицу ничего не видно. <...> На некоторое время метель будто успокаивается, затем снова поднимается вихрем. В печной трубе гудит ду-дудуу. Оконное стекло тоже хлещет снежным подолом).

Именно в эту страшную ночь умирает мама Мичу.

Этнопоэтика рассказа проявляется в описании деревенского быта и окружающей природы (природа почти всегда одушевлена, в её описании часто используются марийские обороты, а также звукоподражательные слова, характерные для марийского языка):

*Түнө мардеж орышыла толаша... Шем көрган изи пўртыштө аваж ден эргыже шыпак **ик-кок мутым пелеиткалат*** [С. 109] (Снаружи ветер шумит, как взбесившийся... В маленьком доме с чёрными стенами [букв.: внутренностями. — Л.К.] мать и сын тихо **переговариваются одним-двумя словами**); *Теле эртен кайыш. Урем корнылаште вўд погынен шинчеш, кечыште **йыл-йыл-йыл** йылгыжеш, шинчам йымыкта. Тайыллаште, **шыр-шыр-шыр** шоктен, энгер-влак йогат. Кугу келге корем йымак йырым-ваш вўд ташла. Вара погынен-погынен вўд ора шуалгыше лумым шўтат, кугу энгерла, **шу-у** шоктыктен, шаулен йогаш тўналеш* [С. 115] (Зима прошла. На уличных дорогах наполняется вода, на солнце **йыл-йыл-йыл** блестит, глаза слепит. На склоне, звеня **шыр-шыр-шыр**, текут реки. Дно глубокого оврага кругом переполняется водой. Затем, набравшись, вода пробивается сквозь размокший снег, с шумом **шу-у**, гудя как большая река, начинает течь).

А так описывается летнее время с использованием звукоподражания и с сочетанием природных картин и этнографических деталей бытовой и производственной жизни мари (колыбелька, коровьи колокольчики, водяная мельница и др.):

*Калык пашаште. Яллаште изи йоча-влак ден шонго кува, кугыза-влак кодытат, ике семынышт илат. Йочашт идым воктен, тўрлő модышым ыштылын, шаулен, кычкырен куржталыт. Шонгышт, изи аза уло гын, шипка воктен, **ө-ө-ө** манын, уныкаштым семалат. А аза уке гын, юалге ўмылым муытат, комдык шарлен возын каналтат. Кува-влак шешыш-итлан, ўдырышлан ургышым ургат [С. 119] (Люди на работе. В деревнях маленькие дети и старушки, старики, оставшись, по-своему живут. Дети, играя, с шумом, криком бегают около гумна. Старики, если есть младенцы, сидя около колыбели, утешают своих внуков звуком **ө-ө-ө**. Если нет младенцев, находят прохладную тень, где, лежа на спине, отдыхают. Старушки шьют своим снохам и дочерям); Олыкышто тыштат-туштат каван-влак шогат; ушкар тўшка семынышт **шыдырт-шыдырт** сава деч кодишо шу-дым кочкын коштыт. Ушкар онгыр йўк **лынгыр-лынгыр** шокта. **Тўвўдўп-тўвўдўп** мландым пералтен, имне-влак шинчалын кудалыштыт. Умбалне вўдваки шурга. Вўд ўмбалне кол-влак чумедылыт, вўдым шыжык-тат [С. 122] (На лугу то там, то здесь стоят стога; стадо коров, предоставленное самому себе, ходит и ест **шыдырт-шыдырт** траву, оставшуюся после косы. Коровьи колокольчики издают звук **лынгыр-лынгыр**. Стуча по земле **тўвўдўп-тўвўдўп**, со ржанием скачут лошади. Вдалеке шумит водяная мельница. На воде плескаются рыбы, брызгая водой).*

В рассказе встречаются и целые фрагменты, представляющие собой этнографические описания, например описание обычаев, связанных с похоронами:

Кастене тоен толишо-влак мончаиш пурыйш. Вара пўтынь кочкышым ўстембак волтен шындыльычат, чыланат ўстел ончылан, юмонга ваиштареш, шогалыч [С. 112] (Вечером хоронившие помылись в бане. Затем, выставив всю еду на стол, все встали у стола, напротив иконы).

Встречаются поговорки, обобщающие народный опыт и народные ценности: *Юмо пўрен — юмак налын* [С. 111] (Бог дал [букв. ссудил. — Л.К.] — бог взял); *Тулык ылыш — йōсō ылыш* [С. 120] (Жизнь сироты — тяжкая жизнь).

Завязкой сюжета рассказа «Моя шапка» («Мыйын упшем», 1935) становится травля маленького мальчика из-за отсутствия у него шапки, вытекающие из буллинга последующие события, воспроизводимые автором, собственно, как и сам буллинг и страдания мальчика, от имени которого ведется повествование, позволяют автору поставить ряд вопросов аксиологического характера. Мальчик, буквально затравленный своими одноклассниками и

деревенскими детьми, просит отца купить ему шапку, но тот, ссылаясь на отсутствие денег, обещает сшить ему головной убор, если родившийся слабеньким ягненок не выживет. Далее происходит парадоксальное, но единственно возможное в глазах ребёнка событие, которое избавило бы от невыносимых страданий: мальчик начинает посматривать за ягненком, ожидая его смерти, но он никак не умирал, тогда мальчик просто прижал его в дверях. Но, получив новую шапку, он не смог ее носить. Его мучила совесть:

Упишальым у упишым, но чоныштем эре уло: вет мый пачам ике пуштынам! Туйо гынат, тудо ош тўняште илынеже ыле, молын гаяк шошым ужар сывын чийыше олыкыш лекташ шонен. Радер чодыра тайылыште нарынче-ужарге чараште шудым кўрын кошташ шонен. А мый тудын туйо изи ўмыржым кўрлынам... [С. 305–306] (Надел я новую шапку, но в душе беспокоен: ведь я сам убил ягненка! Хоть и был болезненным, он хотел жить на белом свете, весной, как и другие, думал выйти на одетый в зеленую одежду луг. На косогоре леса Радер, на желто-зеленой поляне, думал есть травку. А я его маленькую болезненную судьбу прервал...).

Ребёнок задумывается о ценности жизни каждого живого существа, о том, можно ли намеренно уничтожать эту жизнь, можно ли чью-то жизнь разменять на какую-то вещь, если даже тебя травят из-за её отсутствия.

В начале и в конце рассказа слышен голос не мальчика-повествователя, а уже повзрослевшего человека, который во вступлении заинтересовывает читателя событиями, которые должны произойти, а в конце произведения комментирует уже произошедшее. Он низводит на «нет» аксиологически насыщенную ситуацию рефлексии мальчика, смысл события переводит в социальную плоскость (взрослого уровня мышления), объясняя главное событие рассказа (убийство мальчиком овцы) тем, что «прежняя жизнь порождала зло, преумножала злые нравы» [С. 306]. В результате и авторская позиция сужается до мысли о неравноправном обществе, порождающем зло, задвигая на периферию разговор об универсальных ценностях (дружба, уважение друг к другу, ценность человека и всего живого).

Этнопоэтическими маркерами в рассказе «Моя шапка» являются слова, обозначающие этнографические реалии (*сывын* — название женской верхней одежды из зелёного или чёрного сукна, надеваемой на моление и на свадьбу; *метерка* — помело для подметания печи; *тўньык петыртыш* — затычка для закрытия отверстия в трубе бани по-чёрному; *сўан шувыш* — кожаная сумка, куда складывались свадебные угощения) и фольклоризмы, а именно дразнилки, например:

А-а, метерка вуй толеш! [С. 304] (А-а, голова-помело идет!); *Моча тўньык петыртыш!* [С. 304] (Затычка для печной трубы!); *Йолетше тормика — вуетше сормика!* [С. 304] (Ноги тормика — голова сормика! [Возможно,

что тормика — детская переделка слова *тормак*, что означает разветвление, а сормика — слова *сормак*, обозначающего бревно. — Л.К.); *Пёча-коча, мёдывуй! Лыштык-лаштык рожын вуй!* [С. 304] (Пёча-коча, кочка! Лыштык-лаштык дырявая голова!).

Использование дразнилок, в которых собраны смешные фразы и детская «макароническая речь» из придуманных слов по понятным только детям «законам», — это особенность детских рассказов Шкетана»; с их помощью автор создаёт юмористическую интонацию и смягчает драматизм основного повествования. Так, смешные обороты марийской речи персонажа-повествователя, рассказывающего о своей старой шапке, о драке с Аркашем, призваны вызвать смех юного читателя и отвлечь его от подлинного драматизма ситуаций:

А мыйын упи көргө, чынак, музырген лектын, тўкан айдемыла коям [С. 304] (А внутренности моей шапки и правда выпирают наружу, отчего я похож на рогатого человека); *Тиде «корак пыжаши» верчын шуко орлыкым чытышым* [С. 304] (Из-за этого «вороньего гнезда» много горя натерпелся); *Ну, мутат уке, Аркаш дене адак кредална. Аркаш мый гаем какши огыл, сўан шувыш гай кўжгө. Мыйым магырыктен колтыш* [С. 305] (Ну, безусловно, снова подрались с Аркашем. Аркаш не такой худой как я, упитанный, как свадебная сумка. Заставил меня реветь).

К детской прозе можно отнести и несколько широко известных юмористических рассказов Шкетана, хорошо знакомых как взрослому, так и юному читателю и вошедших в школьную программу²: «Лыжи» («Ече», 1936), «Парашют» (1936), «Патай Сопром» (1936) и др. В рассказе «Лыжи» представлен увлекательный сюжет, основанный на противостоянии персонажа-рассказчика, с одной стороны, и его сына и жены, увлечённых лыжами, — с другой. В результате этого противостояния он сам «заражается» ненавистным ему занятием.

Персонаж-рассказчик является воплощением антиценностей: из-за его невежества чуть не распалась его семья, в начале рассказа он противник здорового образа жизни. Ему противопоставляется жена – носитель иных, актуальных для того времени ценностей: она читает газеты, занимается спортом, закаливанием организма, она колхозник-ударник (едет на краевой съезд на лыжах), воплощение ума и уравновешенности (несмотря на ворчание мужа, она спокойно, мило общается с ним, даёт советы, поддерживает его в хороших делах), благодаря её мудрости, организованности и внутренней культуре сохраняется их семья).

² Эти рассказы далее цитируются по изданию: *Шкетан М. Мыскара ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : Книгам лукшо мар. изд-во, 1954. 155 с. Перевод цитат с марийского наш. — Л.К.* Страницы цитат указываются в тексте в квадратных скобках.

Раскрытию национальной специфики характера рассказчика, выходца из простого народа (необразованного деревенского жителя), представителя марийской этнографической среды, с исконно марийской разговорной речью, далёкой от литературной, максимально способствует сказовая форма повествования. К «слушателям» персонаж-рассказчик обращается фамильярно:

Мый, родо-влак, физкультурылан нимаат ваитареи ом шого [С. 18]
(Я, земляки, нисколько не против физкультуры).

В его речи встречаются многочисленные просторечия, диалектные слова:

Тыгакше вуй корка ок чыте, тудо чойн дене ыштыме огыл, казыр шаланен возеш. А коллемжак ок шу, содыки, ончык мо лиймым ужмо шуэш [С. 18] (Так-то череп не выдержит, он не чугунный, сразу расколется. А умирать не хочется, всё-таки хочется увидеть, что впереди будет); *Ончем ватемым да шонем: кабуй, шонем, ватемат ечим йодаш ынже тўнал* [С. 20] (Смотрю на жену и думаю: как бы, думаю, и жена не стала лыжи требовать).

В языке рассказчика бесконечно повторяются марийские слова, характерные для разговорной речи. Это *манам* 'говорю':

Мый, манам, пуртен шынденам. Ече дене мунчалташ кайыметым колынам да, манам, самовар олмеи вигак пуртен шынденам, чылтак, манам, ушем каен пытен... [С. 20] (Я, говорю, поставил. Услышал, что ты отправилась кататься на лыжах да, говорю, вместо самовара поставил, совсем, говорю, из ума выжил...); *шонем* 'думаю': *Адак вес семын шонкалем: векат, шонем, мыят заразитлалтынам; ечин микробио мыйын капышкемат пурен шуктен, шонем* [С. 24] (Ещё по-другому думаю: явно, думаю, и я заразился; лыжный микроб проник и в мое тело, думаю); *йышит* 'тихонько': *Мый йышит гына чийышым. Чийышым йышит гына, вара йышит гына лектым* [С. 24] (Я тихонько оделся. Оделся тихонько, потом тихонько вышел); заимствованное из русского языка *можыч*: *Можыч коло-кумло ий гыч калык эртак физкультура дене гына толашаи тўналеш, можыч кочмыжымат чарна* [С. 24] (Может, через двадцать-тридцать лет люди начнут баловаться только физкультурой, может, даже есть перестанут); также заимствованное *потомушто*: *Векат, шонем, мыланем ўдырамаи лияш перна, потомушто ўдырамаи пўрѣн олмыш кўзен шинчын* [С. 23] (Видно, думаю, мне придется стать женщиной, потому что женщина на место мужчины поднялась).

Повторяющийся в тексте детский лепет трёхлетнего сына персонажа-рассказчика, не выговаривающего шипящие звуки, тоже прибавляет юмор, весьма интересный для юного читателя:

— *Ачий, мыланемат есе клес...* [С. 25] (— Папа, мне тоже нужны лыжи [примерно: мне тоже нужны лыжи. — Л. К.]).

Всё вышеуказанное позволяет говорить о том, что Шкетан широко пользуется языковым комизмом, используя для этого лексику, свойственную марийскому языку. «Марийскость» текста проявляется и в использовании названий мифологических персонажей, которые в общем контексте рассказов также становятся средством создания юмора. К примеру, *киямат или киямат тѳра* [божество смерти, владыка «загробного мира». — Л.К.]:

Ужалыше, **киямат**, вигак мыйым ужо [С. 19] (Продавец, **киямат**, сразу меня увидел).

Заключение

Во всех проанализированных нами произведениях Шкетана основу этнопоэтики составляют описание быта, этнографические реалии народа мари в начале XX в., фольклорные интертекстуальные элементы, воспроизведение особенностей марийского языка и разговорной марийской речи и т. п. Национальное своеобразие также прослеживается в характерах героев, воплощающих не только универсальные, но и этнические ценности мари (скромность, скрытность, излишняя стыдливость, трудолюбие), которые автору хотелось открыть своему юному читателю. В детские рассказы писателя проникает социальная проблематика, детерминированная временем и характерная для «взрослой» его прозы; во многих рассказах нравственно-этические вопросы рассматриваются через анализ отношений между богатыми и бедными, столкновения старого и нового укладов жизни. Но социологизация и идеологизированность не мешают Шкетану заострять внимание детского читателя на универсальных ценностях (знания и образованность, доброта, человечность, порядочность, умение сопереживать, брать на себя ответственность за близких и др.) и антиценностях (эгоизм, лицемерие, жадность, лень, невежество и др.). В детских рассказах Шкетана доминируют вопросы семьи и семейных ценностей; автор утверждает ценность крепкой семьи и добрых, здоровых отношений между супругами, родителями и детьми.

Список литературы

1. Кудрявцева Р.А. Художественная словесность марийского народа в контексте научных дискуссий о принципах периодизации истории национальной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). Ч. III. С. 98–100. EDN: TIQTTN
2. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: колл. монография / Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева, Г.Е. Шкалина и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева; Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. 353 с. EDN: IDOLVU
3. Бурков Л.Н. Становление и развитие марийской детской литературы : дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2000. 159 с. EDN: QDJGMD
4. Черных С.Я. Творческий путь М. Шкетана. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1969. 235 с.
5. Кудрявцева Р.А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья : монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 324 с. EDN: QXABQX
6. Кольчикова Н.Л. Этнопоэтический подход к изучению литературы в школах с русским (неродным) языком обучения : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2022. 52 с. EDN: CPKMNI

7. Гачев Г.Д. Национальные образы мира : курс лекций. Москва : Академия, 1998. 432 с.
8. Далгат У.Б. Этнопоэтика в русской прозе 20-90-х гг. XX века : (экскурсы) / РАН, ИМЛИ им. А.М. Горького. Москва, 2004. 210 с. EDN: QRIYMH
9. Зырянов О.В. Введение в этнопоэтику русской классической литературы : учеб. пособие. Москва : Флинта : Наука, 2018. 216 с.
10. Эткинд Е.Г. Психопоэтика. «Внутренний человек» и внешняя речь : статьи и исследования. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. 702 с.
11. Коршунова Е.А. «Географические неожиданности» и не только: поэтика Водлозерского дневника С.Н. Дурылина // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 2. С. 386–405. URL: <https://studlit.ru/images/2021-6-2/Korshunova.pdf> (дата обращения: 10.09.2024). <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-386-405> EDN: CRYWSU

References

1. Kudryavtceva, R.A. 2015. “The artistic literature of the Mari people in the context of scientific discussions on the principles of periodization of the history of national literature.” *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, vol. 3, no. 45, pp. 98–100. EDN: TIQTTN Print. (In Russ.)
2. *The axiological paradigm of Mari literature of the XX–XXI centuries*. 2019. Yoshkar-Ola: Mari State University. EDN: IDOLVU Print. (In Russ.)
3. Burkov, L.N. 2000. *Formation and development of the Mari children’s literature*: PhD thesis. Cheboksary. EDN: QDJGMD Print. (In Russ.)
4. Chernykh, S.Ya. 1969. *The creative path of M. Shketan*. Yoshkar-Ola: Mari book Publishing House. Print. (In Russ.)
5. Kudryavtseva, R.A. 2011. *The genesis and dynamics of the poetics of the Mari story in the context of the literatures of the peoples of the Volga region*. Yoshkar-Ola: Mari State University. EDN: QXABQX Print. (In Russ.)
6. Kolchikova, N.L. 2022. *An ethnopoetic approach to the study of literature in schools with Russian (non-native) language of instruction*: PhD thesis. Moscow. EDN: CPKMHI Print. (In Russ.)
7. Gachev, G.D. 1998. *National images of the world: a course of lectures*. Moscow: Akademiya. Print. (In Russ.)
8. Dalgat, U.B. 2004. *Ethnopoetics in Russian prose of the 20-90s of the twentieth century: (excursions)*. Moscow: RAS, IMLI named after A.M. Gorky. EDN: QRIYMH Print. (In Russ.).
9. Zyryanov, O.V. 2018. *Introduction to the ethnopoetics of Russian classical literature*. Moscow: Flinta: Nauka publ. Print. (In Russ.)
10. Etkind, E.G. 2005. *Psychopoetics. “Inner man” and outer speech: articles and research*. St. Petersburg: Iskustvo-SPb. Print. (In Russ.)
11. Korshunova, E.A. 2021. “Geographical surprises” and beyond: the poetics of S.N. Durylin’s Vodlozersky diary.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, pp. 386–405. 10 Sept. 2024, <https://studlit.ru/images/2021-6-2/Korshunova.pdf>; <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-386-405> EDN: CRYWSU (In Russ.)

Сведения об авторе:

Калашникова Лариса Вячеславовна — кандидат филологических наук, преподаватель, Колледж государственной и муниципальной службы, Российская Федерация, 424005, г. Йошкар-Ола, ул. 8 Марта, д. 26. ORCID: 0000-0001-9775-7226, eLibrary SPIN-код: 4308-6760. E-mail: ms.lara.kala@mail.ru

Bio note:

Larisa V. Kalashnikova is a Candidate of Philological Sciences, Lecturer, College of State and Municipal Service, 26 8 Marta St, Yoshkar-Ola, 424005, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9775-7226, eLibrary SPIN-code: 4308-6760. E-mail: ms.lara.kala@mail.ru